

ЭДВАРД БИС

Обвинение и оправдание

Эдвард Бис

Обвинение и оправдание

«Издательские решения»

Бис Э.

Обвинение и оправдание / Э. Бис — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854385-2

Как и многие другие работы, «Обвинение и оправдание» написано автором в заключении и представляет смешанный жанр Non fiction с элементами биографии, публицистики, философии и драмы. Рассматриваются уникальные случаи арестов, жестоких убийств, подлогов и судебных ошибок. Приводятся отличные сравнения и рассудительные выводы.

ISBN 978-5-44-854385-2

© Бис Э.

© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

19

Обвинение и оправдание

Эдвард Бис

© Эдвард Бис, 2017

ISBN 978-5-4485-4385-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Знаком ли я с преступным миром? Отчасти. Полагаю, с его ничтожной частью. Но при всем этом я уверен, что если уважаемый читатель ознакомится с представленным ниже взглядом, то у него может сложиться верное представление о преступном мире вообще. Говоря «верное представление», я имею в виду, что, к огромному сожалению, суждение масс о преступлении и самих преступниках ощутимо хромает ложным или искаженным мнением, которое вызывает смех, негодование или даже бешенство у людей с определенным складом ума и характером.

Чтобы знать, что представляет собой преступный мир, достаточно, казалось бы, задаться простыми вопросами: кто такой преступник и что есть преступление? Не так ли? Да, так. Но ответы на них могут быть двойственны и даже противоречивы. Смотря с какой позиции к ним подойти. Если с позиции разума, то ответы могут быть отталкивающие и даже шокирующие. Если с позиции сознания, то обнадеживающие и успокаивающие. Собираюсь ли я умиротворять вашу душу, уважаемый читатель? Нет. Убаюкивание не входит в мои планы.

* * *

Предлагаю рассмотреть природу преступления и природу наказания не с насиженных мест, к которым уже подведены подъездные пути, а прогуляться туда, откуда открывается редкий объемный, а потому перспективный вид. Начнем с простого и коварного вопроса: «Кто такой преступник?» Как определяет толкование: преступник – это личность, нарушающая закон и... Нет. По этой утопанной тропе мы продвигаться не будем. Она может привести нас в загон для стада. Данный ответ въедается в сознание масс, подобно мазуту в белую хлопковую ткань. Вывести это вонючее пятно можно только отбеливателем, именуемым «разумение». Оставим на время этот вопрос. Он разрешится далее проще, чем сама простота.

Попробуем ответить на другой вопрос. Что такое преступление? Преступление – это акт, противный цивилизованному... Ууу! Эту заезженную песню юриспруденции нам также придется оставить. Иначе она заведет нас в дебри. Данный ответ заседает в мозгу, подобно ржавому гвоздю в отсыревшей древесине, выдернуть который можно исключительно клещами цепкого разума.

Я предлагаю не повторять понятия, прописанные в толкователях или учебниках права, а смотреть себе в сердце, отвечать не увиливая. Кто такой преступник? Это человек. Что есть преступление? Это человеческое деяние, и оно олицетворяет само человечество. Вот оно! N.B. Мы на острие истины, с которого можно соскользнуть и провалиться в края абсурдов. Но вид явный: преступник – человек; преступление – жизнь человечества.

Я искренне надеюсь, что уважаемый читатель не склонен впадать в истерику, утверждая, что преступник – это зверь, это оборотень общества, а не человек. Либо идти еще дальше: преступление – это не человеческое деяние, оно противно человечеству.

Преступник – это человек. Преступление – это человеческое деяние, друзья мои. У преступления нет расы. У преступления нет национальности. У преступления нет религии. У преступления нет границ и вообще лица! Те, кто олицетворяет преступление с преступником, заблуждаются. Преступление даже не продукт определенного класса общества, а продукт всего человечества. Это и есть человечество.

Нет ни одного класса, ни одной должности, ни одного статуса, ни одного мало-мальского положения или титула, из которых не было бы преступников. Преступниками были крестьяне и помещики, дворяне и придворные, служащие и трудящиеся, министры, короли, падишахи, цари, президенты и духовные наставники. Были и будут. Так говорит история и здравый смысл. Ко всему трудно характеризуемому колориту примешивается еще и тот факт, что самыми злостными, коварными и кровавыми преступниками были те, кто занимали верховное положение власти.

Многие полагают, что преступник – это нарушитель закона. Данная мысль кажется неопровержимой, если проталкиваться среди теснящихся прохожих своего двора. Но как скоро мы сумеем освободиться от давления пространства и времени, так же сразу поймем, что самые злонамеренные, циничные и безжалостные нарушители закона и порядка судимы не были! А совсем наоборот, именно они судили и судили тех, которые олицетворяли законы и порядки. Достаточно взглянуть на перевороты и революции. В те времена эти люди переступали законы, как лужицы, объявляя себя кем угодно, но с неизменным правом судить других и наказывать. Собственно, никто их этим правом не наделял, но они наделялись им условно и отвлеченно. Как мы знаем, такие судили жестоко, не пытаясь даже изменить существовавшее законодательство и не волнуясь о том, что законы, по которым они действовали, не допускают подобного.

Они руководствовались единственным правом, которое исключается юриспруденцией, которое с умыслом изымается из всех возможных кодексов, и более того, даже прописывается как нарушение. Это – право силы. Вот оно! Единственное право, по которому судятся преступники. Из чего получается, что осужденный, какой бы то ни был человек, даже действующий по прописанным законам, является проигравшим. Да, преступник – это человек, но он проигравший.

Победитель – это тоже человек, – ошибочно допускается, что еще больший человек и не простой, а особенный, – но он олицетворяет силу. Победителей не судят. Судят проигравших. Оттого проигравшие платят своими жизнями или годами заключения.

Это не парадокс или уловка мысли. Нет. Закон олицетворяет силу. Закон теряет силу, если ему противопоставляется другая, подавляющая сила.

Отчетливо видно, что природа преступления – это природа людей. Также верно, что природа наказания – это природа человеческого страха. Но раз уж все это людское, то возникает другой вопрос: а кто же *НЕ преступник* в таком случае? Ведь все мы, как ни крути, одного цвета крови.

По какому-то нелепому заключению признается, что преступник определяется судом. Конечно же, в праве прописывают, что суд определяет вину подсудимого, но подразумевается, что судом определяется преступник. Это заблуждение везде. Даже в детских поговорках, подобных «Не пойман – не вор». За такие извинительные утхи прячется половина человечества.

Если смотреть на явление преступления проницательным, вдумчивым взглядом, то нельзя не увидеть, что преступление определяется деянием и помыслами. Преступник также определяется не судом, не трибуналом, а не чем иным, как деяниями и помыслами. А как же! Разве может насильник, убийца, террорист, вор или другой преступник не быть таковым, если он не пойман или оправдан судом? То, что такой считается или признается невиновным, лишь удобное название стечению обстоятельств.

Более того, зачастую случается, что даже пойманный и судимый преступник не считается таковым массами, независимо от его преступных деяний. Это может происходить, когда человек действует по идейным соображениям и если ему, как и окружающим его массам, кажется, что поступки продиктованы благими намерениями.

А если судом подсудимый признается виновным в преступлении, которого он не совершал? Такое случается, и мы все это знаем. Неужели если он считается или признается преступником, то становится таким по факту?

Как скоро рассудительная личность задастся подобными вопросами, то так же сразу ей будет трудно не признать: почти все преступны в деяниях и помыслах! Но я не хотел бы быть понимаем узко, то есть быть ограниченным суждениями. Можно было бы добавить сравнения, подобные: кто не проезжал на красный свет? Кто не превышал ограничение скорости? Кто не лгал? Кто не изменял супруге (-у)? Или кто без греха? К сожалению, подобные вопросы хоть и выявляют человеческую природу, но тем не менее раскрывают ее лишь частично. Человек преступен по своей людской природе. Тот, кто не замечает всей его очевидной греховности, просто смотрит не с той стороны.

Вы думаете, уважаемый читатель, я стал философствовать здесь, в заключении? Простите, не отрекомендовался. Склоняю голову: российский заключенный тайской тюрьмы высшей охраняемости. Бывший грабитель, повинный в смерти полицейского. А может, полагаете, что с помощью интриг мысли пытаюсь оправдаться в своих и ваших глазах? Нет. Здесь я научился выражать свои мысли, и мне приятно изъясняться с самим собой, излагая мысли на бумаге. С выражением *«уважаемый читатель»* сегодня и сейчас я обращаюсь к самому себе. Ведь я перечитываю свои рукописи. И если я не буду уважаем самим собой, то не напишу ничего достойного даже для самого себя. Но при всем этом я болею надеждой, что данные рукописи станут в свое время достоянием публики, и в этом случае я заочно признаю своего читателя уважаемым. Иначе и быть не может!

* * *

Состояние настоящего определяется нашим прошлым. Будущего – настоящими действиями. Эти, казалось бы, прозрачные философские мысли иногда туманятся людскими страстями.

«Бесспорно, – рассуждает человек, – если я достиг состояния комфорта, здоровья в теле, покоя в душе и материальной обеспеченности, то это результат моего прошлого. Я строитель своего счастья. Здесь все просто: прошлое является результатом настоящего. Далее, – рассуждает человек, – если я буду действовать, как полагается, по задуманному, то выстрою таким образом свое достойное будущее, в котором комфорт, покой и обеспеченность. Здесь тоже все гладко». В обоих этих случаях человек слепо и горделиво верит, что целиком ответственен за свое настоящее и будущее.

Если же в настоящем человек живет в состоянии беспокойства, нищеты, болезни в теле и упадка духа, то он уже не признает это результатом исключительно своих прошлых усилий. В этом случае он отстраняет навязанную идею, что каждый – строитель своего счастья, и начинает видеть постороннее влияние на его судьбу. Такой будет рассуждать более здраво, признавая, что его будущее сможет быть достойным и светлым, если его действия совпадут с множеством внешних факторов, влияющих на его настоящее.

С другой стороны, если он по стечению обстоятельств и истечении времени достигнет желаемых душевных и материальных благ, то, скорее всего, напыщенно заявит, что достиг всего исключительно своим упорством и старанием. Что ж, таковы мы, люди.

Человек вне общества ничтожен. Человек – это часть роевого организма, который без влияния окружения не сумеет научиться ни подобающе мочиться, ни подобающе ходить. Посади верящего в свою неординарность вне общества, вне окружения: сумеет он утвердиться? Где? Перед кем? И за счет кого? Если такого не подберет волчица, не накормит моло-

ком и не научит выть и чесаться, то... Какое будущее способен построить человек вне окружения, вне общества?

Необходимо понимать и помнить, что человек – это продукт окружения, продукт общества. Человек оказывает влияние на общество, но общество постоянно влияет на каждого индивида в отдельности.

* * *

Мне было девять лет, когда я первый раз, влекомый непонятным мне еще чувством, совершил кражу. Был поздний август. Сыро. Я зашел один в пустующий кафетерий купить что-то, что я не могу вспомнить, но я помню отчетливо, что, когда продавщица, завидев опрятного мальчика, отвернулась, я не суетясь взял с лотка пирожок и спокойно положил его себе в карман жакета. У меня были деньги, и я готов был заплатить за него, если бы был замечен. Но так как сонная продавщица ничего не заметила, то кража состоялась, и я вышел из кафетерия с покупкой и со *стянутым* масляным пирожком.

Зачем я это сделал? Я повиновался влечению, которое сформировалось у меня посредством игр во дворе и разговоров с другими ребятами. Я не раз слышал пересказы, как кто-то из моих друзей или знакомых совершал мелкую кражу и какое это было событие: смех, удовольствие и ликование. Совершенно бессознательно я сделал то, к чему даже не готовился и о чем не помышлял до момента моего понимания, что ситуация в кафетерии именно та, о которой я уже слышал не раз, и что ею непременно надо воспользоваться. Воспользоваться, чтобы испытать неизведанное чувство.

Повторюсь, я не планировал этого, и даже более того, этот пирожок мне *нафиг* не был нужен. Мой отец был инженером в нефтехимической промышленности, партийный. Мать работала в бухгалтерии того же крупного предприятия. Мы (мои родители, мой старший брат и я) проживали в четырехкомнатной квартире. Мы не были богаты, наверное, потому что в те годы понятие «богатый» отсутствовало. Правда, были обеспечены. Наш холодильник был полон всегда. В серванте обычно стояло несколько бутылок различного коньяка, водки, вина или ликера. Хрустальная ваза как правило была полна шоколадными конфетами, из которых иногда торчали плитки дорогого шоколада.

Мои друзья, помню, удивлялись, зачем это такое и столько, если мой батя не пьет. Они жадно поедали те шоколадные конфеты и удивлялись, почему я их не хочу. Мне нравились шоколадные конфеты только выборочно, а предпочтение я отдавал домашнему варенью. Им тоже, различных сортов, всегда заполнялись хрустальные вазочки, которые выставлялись на стол из холодильника во время чаепития, то есть после приема пищи. Тогда я уже знал, что сладкое употребляют не до еды, а после.

Как я помню, мои родители не получали очень высокие зарплаты. Дело было скорее в том, что, наученные жизнью, они стали практичны. Детьми они пережили голодные годы Второй мировой войны и из этого вынесли огромный опыт и понимание жизни. Отец избегал рассказывать о тех годах, наверное, потому что чувство голода непередаваемо в звуки – это чувство. Но мать, бывало, рассказывала мне: что, как и почему приходилось употреблять в пищу и какие средства использовались для отопления. Слушать это было и интересно и неприятно. Несмотря на то что мать рассказывала в основном неэмоционально, а выделяла эпизоды с деталями, ко мне подкрадывались жалость и уважение к пережитому ими. После рассказов матери я искал подтверждения у отца, спрашивая его: «Правда, что...?» или «А у вас тоже...?», – отец в основном отвечал подтверждениями, но раз, как будто расчувствовавшись из-за своих воспоминаний, сделал дополнения и даже рассказал, что ему не просто нравилось, а он любил поедать некий продукт, который продуктом не считается и приготовление которого мне описывать стыдно.

Неважно, во что и как дорого я одет. Важно, чтобы я был вымыт сам, чист и опрятен. Ноги должны быть в тепле, голова – в холоде. Желудок – в сытости. Мне были предоставлены правила гигиены, питания и обращения с деньгами. Я знал, как надо вести себя, если я потерялся, если оказался вдали от дома и проголодался, кому мог доверять.

В тот день я вышел из кафетерия не оглядываясь. Пересек дорогу, дошел до арки длинного девятиэтажного дома, на первом и втором этажах которого располагались различные магазины, кафе и рестораны, и только после этого повернулся и посмотрел на широкие, зашторенные светлыми тюлями, окна кафетерия. Все было спокойно. Погони не было.

Чем дальше я отдалялся от места преступления, тем больше возбуждался. К моменту, когда я дошел до арки и оглянулся, на меня нахлынула эйфория, и я начал хихикать, изо всех сил крепясь, чтобы не разразиться хохотом.

По всей вероятности, я начал осознавать, и чем дальше, тем сильнее, что могло произойти. Я мог быть пойман и не посмел бы убежать, потому что к этому не готовился. Продащица из сонной курицы превратилась бы в ядовитую мегеру и трясла бы меня за шиворот или за плечи, крича со всей мощью: «Ах ты паразит! Я тебя сейчас в милицию сдам. Щенок! Маленький воришка...» – и тому подобное. А я бы стоял, горел бы от стыда и позволял бы трясти себя, как куклу. Но кража состоялась, и я ликовал. Ликовал недолго.

Углубившись в арочный проход, я достал из уже замасленного кармана левое приобретение и почти сразу откусил. Я не ожидал, как это на меня подействует! Пирожок был семикопеечный, с повидлом и не печеный, как рекомендовалось моей мамой, а жаренный в масле. Такой продукт моей мамой потреблять не рекомендовалось. Определенно, я взял с того подноса, который ближе всего стоял к прилавку. Как замануха. Самый дешевый. Самый жирный. Самый невкусный.

Повидлом мы называли испражнения, и такой пирожок я не взял бы задаром. Но так как я его украл, то считал своим долгом его употребить.

Я насилу съел половину и сдался. Я не мог осилить это кушанье. С половиной несъеденного пирожка я стоял на краю пешеходной лестницы, спускающейся из арки, и не знал, как мне с ним поступить. Выкинуть в урну? Но я был научен не кидаться едой. Доесть? Нет, мне это было уже не по силам. И я сделал то, до чего не додумался бы взрослый. Я аккуратно положил его на самом видном месте лестницы в надежде, что кто-то заметит его и пристроит, как полагается; либо собака доест, либо кошка.

Позже, через час с лишним, я даже специально прошел через то место, чтобы посмотреть, что стало с половиной того пирожка. Его на лестнице не было. Я огляделся по сторонам, допуская, что кто-то мог просто пнуть его, но все было чисто. После этого я уже чувствовал, что часть моральной ответственности с меня снята.

Никому во дворе, в школе или семье я не обмолвился об этом случае даже намеком. Я не рассказывал ранее об этом никому. Зачем же я делаю это сейчас? Чтобы показать вам, уважаемый читатель, причины, приведшие меня в места чужестранного заключения? Посмотрите, мол, на меня: полулежу в сыром жарком климате, как в сауне, на тонком узком матрасе и калякаю шариковой ручкой оправдания себе и обвинения обстоятельствам? Нет. Это всего лишь эпизод моей жизни.

После того случая я решил для себя, что красть – это глупо. И зачем? Опыт мне подсказывал, что если чего-то хочется, то это можно просто купить. И я откровенно поделился этими мыслями с дворовыми друзьями.

Но что же это было тогда?

Была совершена кража – факт. Но это было импульсное влечение, абсолютно бессознательное либо, как говорят психологи, сформированное окружением на подсознательном уровне.

Я не хотел бы казнить себя за это, но я действительно считаю, что это было преступление, такое же преступление, как если бы взрослый не богатый, но обеспеченный человек, повинуясь импульсу, украл бы не пирожок, как я, а богатое ожерелье с бриллиантами в несколько карат. Хотя неважно что, а важно, что в первый раз в жизни и абсолютно не преднамеренно.

Представьте, что такому пионеру неизведанных чувств в кратчайший срок предъявили бы обвинение и поволокли в суд. Смог ли бы он доказать отсутствие намерений? Ведь они бы были налицо, то есть на видеосъемке. Поверил бы кто-нибудь, что он сделал это впервые, и, скорее всего, из-за того, что посмотрелся фильмов и наслушался комментариев? Смог ли бы он доказать, что стал жертвой социального внушения? Смог ли бы он представить себя в виде подчиненного гипнотическим установкам общества?

«Вы хотите сказать, что вы не намеревались украсть ожерелье в семьдесят восемь тысяч евро, а взяли его импульсивно? И так же импульсивно унесли к себе домой? И так же импульсивно переложили его из кармана в ящик своего письменного стола?» – судье с трудом удавалось бы не смеяться, задавая такие вопросы. Ему так же с трудом удавалось бы не удивляться, видя положительные, абсолютно искренние подтверждения!

Если такой человек совершит кражу при покупке других украшений и докажет свою обеспеченность, то... наказание может быть снижено даже до обыкновенного порицания. Да. Но если подсудимым окажется лицо безработное либо с банковским долгом, то... наличие при этом эпизоде другой покупки – хоть обручальных колец для своей свадьбы – не будет иметь влияния и считаться подтверждением его оправдания. Такой будет рассматриваться как мотивированный к краже, так как по людской природе принято считать, что человек имеет намерения обогатиться. Так подразумевается людьми и, конечно, судьями. Добродушие, наивность и открытость такому на пользу не пойдут, и свадьбу придется откладывать либо отменять вообще.

Система правосудия, как видно, – это несовершенная система, в которой наличествуют составляющие неопределенности и предрасположенности.

* * *

Один из мифов, которым объято большинство людей, – это то, что преступник несет заслуженное наказание. Вроде того, он заслуживает то, что ему определено за его действия. «За что боролся, на то и напоролся», – поговаривают узколобые либо несут еще какой вздор. Может ли преступник в своем лице быть ответственным за то, за что ответственно все его окружение? Ведь мы не должны забывать, что он продукт общества. Понятно, что абсолютная нелепость – рассуждать о заслуженности наказания за единичный поступок, на который оказывало влияние все его окружение.

Можно сказать также, что наказание – абсолютно неэффективный метод перевоспитания. И более того, что наказание абсолютно неразумно. И добавить авторитетное: это понятно не только выдающимся мыслителям или философам, но и каждому рассудительному человеку.

В наказании все: человеческие амбиции; людские страхи; жажда крови; жажда обладания; и все пагубное, слабое, основанное на низайших инстинктах. Наказание приемлемо только потому, что сознательно, но неразумно. Рассудительный человек не заметит в этом ни противоречий, ни парадокса.

Если же встать на путь, которым продвигается людское сознание, то, разбирая миф заслуженного наказания преступника, мы также не сможем не поскользнуться в суждениях. Для этого достаточно задаться всего двумя вопросами: кем? и чем? Действительно, кем определяется наказание? Чем руководствуются эти люди?

Наказание определяется судом. Хотя это отвлеченно, конкретно же – судьей. Судьи же руководствуются законом. Это тоже отвлеченно. Более конкретно: они руководствуются правилами. Таблицей. Именно: они берут поступающие данные от обвинения и обвиняемого и вносят в эту таблицу. Для этого судье не надо рассуждать, он просто пробегается пальчиком по колонкам и строкам и сразу видит, какое наказание выходит за действия обвиняемого. Если победителя и проигравшего определить нельзя, так как выходит ничья, то он просит стороны предоставить еще данные. Для этого он либо задает необходимые вопросы сторонам, либо переносит уголовное разбирательство, чтобы стороны набрали данные для его граф и колонок. Победитель определяется перевесом данных в строках и графах. Это не пародия на судопроизводство и вообще судебную систему, а точная его характеристика, словами без ярлыков и шаблонов.

Необходимо также отметить, *кем* представляются стороны и *чем* они руководствуются. Обвинение представляет прокурор, правильное – обвинитель от общественности. Обвиняемого представляет либо сам обвиняемый, либо некто, без которого не обходится ни одна передовая система человечества – на самом деле наоборот, подчеркивая ее отсталость и убогость, – и имя ему адвокат.

С прокурором понятно, общественности необходим человек, представляющий суду нарушителей порядка и закона, потому что полиция не умет компоновать документы в один файл и не знает, как передавать их в суд. Он руководствуется в своей деятельности правилами и таблицей, схожей с судебной. Подсудимый определяется перевесом данных в строках и графах. Первостепенная цель общественного обвинителя – выйти победителем в судебном поединке, достигая ее, он утверждает мощь общественного порядка и свою индивидуальную силу!

Адвокат – это результат недоношенного выкидыша развивающейся системы человеческого порядка. И это мягкое начало характеристики индивидов с таким статусом. Ели бы следователи работали чисто, прокуроры честно, а судьи не ленились думать и хотя бы задавать наводящие вопросы подсудимым, чтобы внести ответы в графы и колонки, то адвокатам не было бы места в системе. Но так как людские образования происходят стихийно и по подобию, то почти в каждом политическом режиме – где больше, где меньше – имеют место эти представители.

Система или строй, в которых простор для адвокатской работы есть потребность в их действиях – это менее развитая система или более несовершенный строй в сравнении с теми, где их услуги не востребованы.

Продажность адвоката как характерная черта этих людей ошибочно воспринимается массами как шутовская критика. А зря. Еще ранее, занимаясь бизнесом, то есть вкладывая насильственно отобранные или обманом путем полученные денежные средства, я прибегал к услугам этих людей. Мне приходилось разрешать судебным порядком земельные или строительные споры, если их не получалось уладить грубым или утонченным наездом. Во всех этих случаях я либо иронично ухмылялся, либо снисходительно отсмеивался, реагируя на их потаенные цели или помыслы, которые, по их пониманию, другими непостижимы.

Каждое судебное разбирательство, с помощью которого они выуживали *хрусты*, не требовало от них вообще никаких усилий. Все разрешалось *за* или *против* в зависимости от обстоятельств, в которых их действия не фигурировали. То есть мне и моим компаньонам было совершенно ясно, что адвокат представляет лишь условность и пользуется этим от случая к случаю, не неся никакой ответственности за исход. Все это определяло их как людей определенной масти.

Но полное понимание в отношении адвокатов сформировалось у меня после того, как я предстал перед судом в виде подсудимого, а далее был определен заключенным. Здесь я увидел не только их продажность, но и всю грязь их бездушных намерений, которые

ничем не уступали намерениям блядской шлюхи. Мне стали понятны сравнения, подобные: «Чем отличается проститутка от адвоката?», с дальнейшими ответами, из которых видно, что адвокат отличается от проститутки лишь домашним бытом и отношением к нему семейных. Из чего получалось, что адвокат и проститутка не отличаются в сущности ничем. Они преследуют одну цель – обогатиться, имеют схожее понятие чести и достоинства и следуют одним традиционно нравственным корням общественного функционирования, где их мораль идентична.

Конечно же, это не так. Адвокат отличается от проститутки многим, в числе которого первостепенное место имеет намерение. Если проститутка берется за дело, то с целью начать и довести его до конца. Она ответственна за конец своих усилий. Конец – это результат, к которому она стремится и за который происходит оплата. Конец – это глава и всему голова.

У адвоката нет таких намерений. Он получает деньги не за результат своих усилий. В его планы не входит цель отстоять права либо добиться полного удовлетворения клиента. Какой бы ни был результат, он получает свое по договору.

И проститутки, и адвокаты называют своих работодателей клиентами, то есть одинаково. В играх приобрести и набрать клиентуру они пользуются схожими уловками. Проститутка, чтобы понравиться богатому клиенту, совершает флирт «а-ля обстоятельства». Она может кокетничать, смеяться, как глупышка, серьезничать или просто любезно выставлять напоказ себя и свои притяжения. Далее она совершает особенный, как будто хитро маневренный, витиеватый отсос; тактично, энергично подмахивает, или наоборот, изображает довольство от своей пассивности; не фальшиво, а абсолютно натурально как будто постанывает и даже кончает натурально иногда. Да.

Точно так же и адвокат. Флирт любезностей абсолютно идентичен. Кокетство, смех, задумчивость. Он старается запечатлеть себя в памяти клиента как бог права, как гений добродетельной мысли. Для этого он тоже, так же как шалава, преподносит особенный, как будто хитро маневренный, витиеватый план отстаивания прав. Он горланит трудно-усвояемые выражения, кажущиеся потому умными; он тоже энергично поддакивает, либо наоборот, вальяжно помалкивает, изображая знание секретного нокаутирующего апперкота; абсолютно фальшиво – но ему хочется верить, что это натурально – охает, гримасничает, негодует и даже радуется радостям клиента иногда. Да.

Несмотря на похожесть уловок, как уже было отмечено, их различия – в намерениях и ответственности.

Адвокат ничего не проигрывает. Проигрывает его клиент. Его ответственность – это визуальное присутствие. То есть он представляет мнимое успокоение клиенту, что все идет так, как надо, так, как и должно.

Бесспорно, адвокат – это человек, как и все мы, люди. Проблема в том, что за годы работы, паразитируя на людских проблемах и зарабатывая таким образом свой хлеб, он портится. Он волей-неволей начинает видеть в людях с проблемами не людей, а средство для наживы. Следом он уже начинает сознательно или бессознательно желать проблем другим, чтобы обогатиться.

* * *

Закон для многих – это правило, которое приятно обойти и которое волнительно нарушить. Закон для многих – это руководство, которому необходимо следовать. Если понимать факт того, что законы пишутся людьми, то необходимо также знать: кем они пишутся и чем именно руководствуются эти люди.

Законы пишутся людьми, в числе которых юристы, судьи и правоведа со статусом и стажем. Основными качествами которых являются их ум и почет. Руководствуются же

эти люди очень многим, что может длительно перечисляться, и чем-то, что вообще никогда не афишируется. В числе перечисляемых различные виды знаний, от истории до статистики. Они руководствуются также основными для этого правилами и политическими установками. В числе неперечисляемых руководств наличествует нечто, без чего не обходится вообще ни одна система развитого человечества, но что по понятному немногим людям естеству не упоминается вообще. Кроме упомянутых знаний, они руководствуются своим сознанием, далее рассудком, и наконец, изредка разумом.

Законодательная и исправительная система стран, в которых длительные сроки заключений за преступления, включающие смертную казнь, имеет основание, что законодатели первоначально руководствовались сознанием и определяли меру, влияющую на людское сознание. Более лояльная система стран, в которых заниженные сроки заключений за преступления и где изоляция заключенных более гуманна, определяется тем, что законодатели прибегали там, в какой-то мере, к идеям разума.

* * *

Существует миф, в котором преступник рано или поздно понесет наказание за свои преступления. Правда же в том, что огромный процент преступлений остается нераскрытым. Многие садисты, убийцы, насильники, грабители, наркоторговцы и т. д. и т. п. мирно похрапывают с женушками и воспитывают внуков в преклонном возрасте. В финале же их еще и хоронят с почестями. Многим кровавым тиранам ставят памятники.

Вера масс в то, что преступник должен и будет наказан, зиждется на неверном представлении явлений. Некоторые полагают, что если человек совершил зло, то это зло непременно вернется к нему. Если человек совершил добро, то добро непременно возвратится к добродетельному.

Да, хорошие, благие действия являются причинами, влияющими на возникновение других хороших, благих действий. Это результат действий. Но это вовсе не значит, что благое напрямую вернется к тому, кто его совершил. Это значит лишь то, что хорошее и благое останется в окружении и, влияя на него, будет косвенно отражаться на деятеле.

То же самое касается и совершаемого человеком зла. Жестокое и пагубное порождает причины и косвенно отражается на деятеле.

Но я хотел бы вернуться к намерениям, которые чрезвычайно важны в жизни и, конечно, при обвинении или оправдании. В суде намерениями меряютотягчающие и смягчающие обстоятельства. Если человек совершил преднамеренное убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, то в соответствии с законом он может быть осужден очень сурово. Эта суровость может усиливаться либо ослабевать в зависимости от способа убийства.

Если убийство произойдет в состоянии аффекта, то это уже другая статья. Представьте: муж вернулся домой с букетом роз и застал жену в постели с ёб... О! Бам, бам, бам. И свежие пятна спермы на белых простынях уже залиты свежей кровью.

Намерения? Если говорить о верности, о любви, о горе, не помнить, как все произошло, на все вопросы отвечать: «Не знаю, не помню, все как в тумане», то... Судья проведет пальчиком по строке своей таблицы: аффект третьей степени – минимальное наказание.

Если убийство произойдет при превышении пределов необходимой обороны, то наказание возможно даже условное. Только потому, что действия были непреднамеренные.

Если смерть причиняется по неосторожности, то это уже песня. Намерения отсутствуют – сроки условны.

Как видно из примеров, намерения – неотъемлемая часть системы закона и судопроизводства. Во всех случаях намерения определяются людьми согласно их пониманию действительности. И именно в этом месте происходит флиртовый трюк с теми, кто считает, что имеет достаточно опыта или знаний.

Законы изрешечены дырами, в которые ускользают пагубные, злые намерения. Коварство остается не наказуемо. Наивность – осуждается. Законы определяют вину также тех, у кого не было намерений их нарушить.

* * *

Понимание этого, однако, не пришло ко мне после прочтения определенных книжек. Оно сформировалось постепенно, под влиянием опыта и знаний. Случай с пирожком не был началом пролога к неминуемому. Я закончил одну из лучших спортивных школ Союза. Мог бы продолжать спортивные подвиги, но, когда обмен веществ переходного возраста моего молодого организма был нарушен, а упавшие результаты столкнулись с тренерским безразличием, я не стал утешаться обещаниями ЦСКА и СКА, а взял свой военный билет и сдался в военкомат с намерением влиться в другое течение.

После демобилизации я уже застал результаты перестройки. Развал идей, разруху устоев и распад самого Союза. Продолжать движение по задуманным планам было невозможно. За спортивные результаты не платили, тренерская работа была не востребована. Учебу на дневном отделении вуза тянуть было сложно.

Все началось постепенно. Хотелось жить лучше, отличаться от других, расти, достигать каких-то высот. Все это подстегивало воображение. К тому же формировались потребности и нужды, причем не сами по себе, а благодаря общественным установкам. Они влекли к себе инстинктивно. Они притягивали как магнит. Они... требовали удовлетворения любым методом, любым способом!

Материальные ценности, которые стали пропагандироваться направо и налево, набирали силу. Потребности и нужды не оставляли мне и многим таким, как я, выбора. Если говорить, что выбор все-таки был, то необходимо также понимать, что выбор был в границах, сформированных обществом, то есть представлял условность и был предпрешен.

Но опять же это не оправдания. Менее всего я хочу, чтобы кто-то допускал, что я виню обстоятельства прошлого, извиняя тем самым себя. Но я хотел бы, чтобы было отчетливо видно, как, почему, зачем человек поступает так, как он поступает. Я лишь пример.

Могу сказать сейчас, только чем именно я не занимался. Тем, чем заниматься по понятиям тогда было низко: сутенерством и наркоторговлей. В остальном мы были достаточно мобильны. Говоря «мы», я имею в виду также других людей, которые, повинувшись обстоятельствам, стали объединением. Конечно, преступным.

Было бы неправдой, если бы я сказал, что со временем мы прекратили работать в России и стали это делать за рубежом по идейным соображениям. Нет. Все, как вся наша жизнь, произошло стихийно. Сменились обстоятельства, мы им повиновались.

До 32 лет я ни разу не был арестован даже по подозрению. Стал ошибочно полагать, как и многие в таком случае, что в этом моя личная заслуга. Я думал, что руководствовался своим умением, опытом и знаниями. Не замечая очевидного, что и умение, и опыт, и знания – это атрибуты всего человечества, всего моего окружения. Они не возникают сами по себе, а формируются обществом.

Говоря начистоту, Таиланд – вовсе не та страна, в которой следовало бы планировать преступление. Уже по приезде стало видно, что в густонаселенном обществе отсутствуют предполагаемые дыры, куда можно было бы неожиданно влететь, а следом выйти с ценностями и раствориться в пространстве. Совершенно правильно было бы прекратить поиски

объекта, вернуться домой, а следом, если захочется, слетать в ту страну, где схожее уже делалось, либо подыскать новую. Но мы остались. Хотя не все.

На третьем месяце нашего пребывания мой братуха Илья¹ заявил о том, что отказывается принимать участие в задуманном. К тому времени ошибочная цель уже была нами выбрана и мы совершали подготовку. Сообщил Илья это вечером при всех нас четверых совсем неожиданно, так что никто не сумел подобрать слов или спросить о причинах.

Молча улеглись на кровати до мудрого утра, но утром выяснилось, что Ильи уже нет! Его не было ни днем, ни ночью, ни следующим днем, ни следующей ночью. Усугублялось все еще и тем, что его модный чемодан стоял полуполный в прихожей, а его дорогие, от кутюрные манатки висели в шифоньере. Получалась, что он вышел в кроссовках, шортах и футболке.

На второй день в полном недоумении я позвонил в Россию его матушке. Объяснил свою озабоченность, рассказав правду, что Илья пропал! Что он вышел из номера и стал недостижим для телефонной связи. Его мама говорила, что ничего не знает и что он ей не звонил. Говорила убедительно, удивленно, но... чересчур спокойно. Как я понял позже, лгала.

На четвертый день ни я, ни двое моих оставшихся компаньонов не знали, что думать и что предпринять. Домашние Ильи отрицали его присутствие, как и контакты с ним по телефону. Обращаться в полицию имело бы смысл в том случае, если бы мы были истинными туристами и если бы Илья не заявлял о своем отказе. Но ведь он мог покоиться на дне моря. Плавал он убого. Мог попасть в аварию и свернуть себе шею. Водил мотоцикл он тоже несвязно. Оставалось звонить ему домой снова. Но в тот день трубку взял он сам.

– Илья?! – удивился я. – Ты когда прилетел?

– Сегодня утром.

– Твоя мать говорила, что ничего о тебе не знает.

– Да... Она, это... – остальные слова не лезли. Илье сложно давалась правда, мне сложно давались вопросы. Мы неловко молчали.

– Ты в чем прилетел-то? В шортах и футболке, что ли?

– Дааа... – развеселился он.

Он смеялся. Он радовался такому финалу. Я даже мог видеть, как светилась его квартира. Как светился он сам. Он даже не хотел понимать моих переживаний! Он, переполненный чувством какого-то нелепого восторга, не хотел понимать чужих тревог.

Не знаю, как долго бы он смеялся, если бы я наконец не задал ему «философский» вопрос, на который он не ответил:

– Слышь, ты! – повысил я голос, меняя тон. – Х... ли ты вообще съе... ся, как крысеныш?!

Телефонная трубка не ответила. Она промолчала, а следом задалась зуммером. Философия осталась не понята.

Люди изменчивы. Человек меняется всю свою жизнь. Он растет, набирается опыта, а после стареет либо как мудрец, либо как заживевший невежа.

Не знаю точно, что заставило Илью нестись от нас тогда сломя голову, прятаться, отключая телефон, и бояться. Но знаю, что нечто он узрел и этим не соизволил поделиться. Хотя свой выстрел в ту поездку он сделать успел. Неуклюжий, но эффектный.

Это произошло, когда мы проживали в объемных съемных апартаментах на тридцатом этаже «Джомтєн кондоминиум». Прекрасное место для отдыха.

В вечер, когда два моих поделника вернулись из Камбоджи с двумя стволами и всего двумя полными обоймами – негусто, но также и не пусто, – Илья схватил один из них, загнал обойму, перезарядил, загнав патрон в патронник, и нацелился на картину, висевшую

¹ Имя изменено.

на стене. На мои замечания не играть с пистолетом, когда он заряжен и взведен, он медленно перевел его на меня, как на цель! Повторное замечание не целиться в человека, если не хочешь его убить – что ж, таковы правила войны, – он пресек, продолжая целиться мне прямо в переносицу, глупо, криво при этом ухмыляясь.

Нет, парень он был славный, хотя в некоторые моменты «сложноват». Мне ничего не осталось, как смириться с его бестолковым упрямством. Я ушел в свою спальню и закрыл дверь, чувствуя, что в своей игривости он просто сделает это импульсивно. Так вскоре и произошло.

Я лежал на постели в своей спальне и размышлял, не обращая особо внимания на шум из зала. В нем был включен телевизор на полную мощность. «Бам!» – услышал я, и все стихло. Это был выстрел! Определенно макаровский. Я вскочил с постели, схватился за дверную ручку, но помедлил, прежде чем открыть дверь. Сначала я прислушался к тишине.

Предчувствуя, что что-то уже случилось, и возможно, может случиться еще, я очень осторожно вошел в зал. Я увидел, что Илья прикрывает дверь спальни, в которой спали два прибывших путешественника. Тогда я даже успел подумать о том, сколько выстрелов я слышал. Один или несколько? Вроде один, и все смолкло. Но может быть, я услышал только один, потому что перестал греметь телевизор? И если это был выстрел – а это был выстрел, я помнил исходившее от стен звенящее эхо, – то почему он выходит из спальни пацанов?! Не перестрелял ли он их по обкурке?!

Все думы отпали, как только я увидел лицо Ильи. Вид у него был озадаченный и виноватый.

Балуясь со взведенным стволом перед включенным экраном телевизора, целясь в персонажей, как в одной из своих компьютерных игр, в которые он любил зависать, он совершенно непреднамеренно нажал курок. Пуля попала точно в центр кинескопа и мгновенно разнесла все жизненно важные схемы и платы. Телевизор незамедлительно смолк, а аппараты залились эхом выстрела.

Двое приехавших из Камбоджи были так сильно вымотаны контрабандной поездкой, а особо переходом границы, что спали как уже убитые, естественно, ничего не слыша. Илья приоткрыл дверь их спальни, чтобы убедиться, проснулись ли они. Я остался рад, что он не стал проверять меня! А то ведь мог бы подумать что угодно и среагировать так, как не надо.

Заниматься нравоучением я не стал. Илья определенно уже понимал, что мог попасть не только во что угодно, но и в кого угодно. Я лишь спросил:

– Попал?

Он удивленно посмотрел на меня и на дырку в кинескопе. Но так как целился он не в центр кинескопа, а в телевизионного персонажа, то я пояснил:

– Во что ты целился? Попал в это или нет? – я не насмехался над ним, он это понял и задумался.

* * *

Следовало ли уезжать из Таиланда после того, как мой братуха панически бежал? Ведь явление бегства совсем не нормально! Если смотреть на прошлое, то можно заключить, что необходимо было улетать обязательно. Но сделать это было невозможно из-за обстоятельств. Они сложились так, что мне суждено было остаться и совершить роковой выстрел. Другого и быть не могло. Выбор был предreshен. Судьба.

Выбор был предreshен силами привычек, намерений, обстоятельств, целей и всего того, что формирует поведение. И как я мог отказаться от того, в чем неизменно преуспевал?!

Обстоятельства и намерения взаимосвязаны. Меняются обстоятельства, изменяются намерения. Меняются или крепнут намерения, и они влекут за собой перемену обстоятельств. Учитывается это все в судах? Как-то так и так-то этак – хорошо и плохо.

Я помню одно дело, произошедшее в девяностых. В нем я не фигурировал, но стал фамилльярен с деталями, после того как один мой знакомый предстал перед судом в качестве обвиняемого. Он не был соучастником в преступлении и был оправдан, хотя в ходе следствия ему вменялось косвенное соучастие.

Потерпевшим был очень влиятельный человек! Милиция сработала на пике своей профессиональности. Допросив всю домашнюю прислугу, следователи метко выделили для себя цель, следом нажали и выдавили признания. После вышли на следующее звено и так на всю цепь. Арестован был каждый, кто хоть как-то упоминался или в чем-то подозревался. В связи с чем многие были оправданы судом. Прямые же соучастники получили различные сроки в зависимости от степени соучастия. Беда во всем этом для моего понимания была та, что суд мерил соучастие каждого неким убогим конструктом. В связи с чем организатор, идейный вдохновитель того преступления, или как говорят в народе, «главарь», получил наименьший срок заключения. Человек, организовавший разовое преступное объединение, в котором он был координатором действий, был осужден так, что почти не осужден!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.